

Зверь там. Я его видел. И Берти его видел. И Дитмар. У него черный мех, как шуба у какой-нибудь модницы. А зубы вылитые клавиши пианино. Надо нам его пристрелить. Больше некому. Томми?* Янки? Русские? Французы? Да им всем не до того, им другого надо. Будто псы грызутся из-за кости, на которой уже и мяса не осталось. Мы должны сделать это сами. Убить Зверя, пока он не добрался до нас. И тогда всем станет лучше.

Ози — это он вел их по городу, превращенному в пыль бомбардировками томми, — поправил каску. Каска у него была английская, украденная с грузовика возле Альстера. Может, и не такая стильная, как американская или даже русская, — они тоже имелись в его коллекции, — но английская каска как влитая сидела на голове, да и английские ругательства у него в ней получались лучше. Не отличить от того сержанта-томми, что орал на пленных возле гамбургского вокзала Даммтор: “Эй! А ну, мать

* Прозвище британских солдат. (Здесь и далее примеч. ред.)

вашу, руки вверх! Вверх, мать вашу! Чтоб я их видел! Тупые ублюдки. Сраные фрицы”. А пленные всего-то на секунду опустили руки — не потому что не понимали его, а потому что ослабели от голода. Тупые долбаные, мать вашу, фрицы! Одевание Ози, с ног до головы, навело на мысли об опустившейся богеме, рванина в сочетании с элегантностью: щегольской халат, стариковский кардиган, деревенская рубаха без ворота, брюки штурмовика с подвернутыми штанинами и подпоясанные конторским галстуком-шнурком, разъявленные башмаки давно упокоившегося железнодорожника.

Группа беспризорников — белки полных страха глаз блестят на черных от копоти лицах — послушно следовала за своим вожаком через городские развалины. Петляя между грудками битого кирпича, они вышли на расчищенную площадку, где лежал церковный шпиль, напоминавший огромный снаряд. Ози поднял руку, приказывая остановиться, другой рукой ухватился под халатом за рукоять “люгера”. Он настороженно принохивался.

— Здесь он. Я его чую. А вы? Чуете?

Бродяжки тоже по-кроличьи задергали носами, втягивая воздух. Ози приблизился к шпилю, прижался к его боку и медленно, выставив пистолет, точно волшебную лозу, начал продвигаться к зияющей дыре. Замер, ударил по металлической стенке конуса, показывая, что Зверь наверняка здесь. В следующий миг из шпиля вырвалась черная вспышка. Мальчишки съежились от страха, но Ози отчаянно

оттолкнулся от корпуса шпилья, прищурился, целясь, и выстрелил.

— Сдохни, Зверь!

В сыром теплом воздухе выстрел прозвучал приглушенно, а последовавший за ним короткий металлический звон известил, что пуля не нашла цель.

— Попал? Ты попал?

Ози опустил руку и сунул пистолет за пояс.

— Мы доберемся до него. Пошли поищем чего-нибудь пожрать.

— Сэр, мы нашли для вас дом.

Капитан Уилкинс потушил сигарету, ткнул желтый от табака палец в карту Гамбурга, прищипленную к стене, и прочертил прямую — от булавки, обозначающей временную штаб-квартиру, от разбомбленных кварталов Хаммербрук и Санкт-Георг, на запад, через Санкт-Паули и Альтону к старому рыбацкому пригороду Бланкенезе, где Эльба, повернув, устремляется к Северному морю. Вырванная из довоенного путеводителя карта ничего не говорила о том, что все эти городские кварталы теперь лишь призраки из золы и щебня.

— Настоящий дворец у реки. Вот здесь. — Палец Уилкинса остановился в конце Эльбшоссе — улицы, протянувшейся вдоль реки. — Думаю, сэр, вам придется по вкусу.

Эти слова были из другой жизни, из мира удобств и приятных мелочей. Последние несколько месяцев Льюису было по вкусу, если удовлетворялось

элементарное: 2500 калорий в день, немного табаку и тепло. А “настоящий дворец у реки” — это скорее из области капризов и аристократических прихотей.

Льюис встряхнулся, покидая непокорный парламент, яростно дискутировавший у него в голове.

— Разве там никто не живет?

Уилкинс заколебался, не зная, как ответить. У командира прекрасная репутация и безупречный послужной список, но человек он со странностями и мир видит по-особому. Помявшись, молодой капитан отделался текстом из недавно проштудированной методички:

— У этих людей, сэр, нет нравственных принципов. Они опасны и для нас, и для себя. Они должны понимать, кто здесь главный. Их нужно направлять. Твердой, но справедливой рукой.

Льюис кивнул, предлагая капитану продолжать. Холод и привычное недоедание приучили его экономить силы, в том числе и расходуя слова.

— Дом принадлежит семье по фамилии Люберт. На конце твердое “т”. Жена погибла при бомбежке. Ее семья занималась торговлей продовольствием, по-крупному. Имели связи с “Бломом и Фоссом”. Владели также несколькими мукомольными заводами. Герр Люберт был архитектором. Его еще не проверили, но мы полагаем, что он вполне белый или, в худшем случае, серый, несмотря на явную связь с нацистами.

— Хлеб...

— Да, сэр?

Льюис не ел весь день, и упоминание мукомольных заводов вызвало в голове яркий образ свежего, еще теплого хлеба, оттеснив на задний план стоявшего у карты капитана.

— Продолжайте... Так что там с семьей? — Льюис кивнул, имитируя любопытство.

— Жена Люберта погибла в сорок третьем. При пожаре. Ребенок один, дочь Фрида, пятнадцать лет. Есть прислуга — горничная, кухарка и садовник. Садовник — мастер на все руки. Бывший солдат вермахта. Есть родственники, к которым Люберты могут переехать. Прислугу расквартируем, или, если хотите, пусть остается. Их проверили. В общем, чисты.

“Сортировщики душ” из разведотдела Контрольной комиссии оценивали чистоту с помощью *Fragebogen* — опросника из 133 вопросов, призванных определить, насколько глубоко германский гражданин сотрудничал с нацистским режимом. По результатам такого опроса люди распределялись на три группы — черную, серую и белую.

— Реквизиция особняка для них не станет сюрпризом. Вам нужно лишь осмотреть место, а потом они выметутся. Думаю, сэр, разочарованы не будете.

— А они, капитан? Они будут разочарованы?

— Они?

— Люберты. Когда я их выставлю.

— Им такая роскошь, как разочарование, не положена. Это немцы, сэр.

— Конечно. Как-то я не подумал. — Развивать тему Льюис не стал. Еще несколько таких вопросов —